

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

*Журнал и сцена - 1993 - 4-11 марта (№8) - с. 2***Человек или роль?**

Как ни отнесись к нашему театру, приходится признать, что для многих он перестал быть властителем дум, каким бывал в прошлом. Это и неудивительно, если оказывается, что вопросы, поднимаемые на сцене, уже прозвучали публично и громогласно на разного рода собраниях или сборищах, по телевидению или в печати. Говоря иными словами, многим спектаклям не хватает волнующей проблемности.

В «Эрике», поставленном Юрием Ереминым в Московском театре имени Пушкина — монтаже двух пьес А. Стринберга, — немало спорного, но в игре В. Гвоздицкого эта «спорность» равна интригующей проблемности.

...Эрик XIV должен держать речь перед шведским рикстагом — оттого, удастся ли королю склонить на свою сторону парламент, зависит его судьба. Малолетние сын и дочь Эрика хотят посмотреть на него во всех регалиях, и, увидев детей, он тут же затевает веселую и беспечную игру, не меньше их ребячась. Это, пожалуй, самая счастливая сцена в спектакле — мы ощущаем, как радуется Эрик оттого, что целиком и безраздельно уходит в забавы, сбрасывая с плеч роль обвинителя государственных изменников, в которой ему предстоит выступить и которая так его тяготит. Но едва ли не в любой другой сцене проявляется нежелание или неспособность Эрика соответствовать раз и навсегда предназначенной и неизменной роли наследника трона, а затем государя — слишком вольно и внезапно, непредсказуемо и невероятно переменчив герой.

Казалось бы, он воплощает соблазнительную мечту о неурезанном праве следовать своим порывам, никакими рамками не стесняя свою непосредственность.

Любая роль среди людей — роль социальная, понятие же социальной роли, пожалуй, нигде так не было скомпрометировано, как у нас, в стране, где классовая мораль учила, что одному классу — пролетариату — выпала роль убивающих, а другому — буржуазии — роль убиваемых

и что сын, предающий отца, выступает в роли образцового гражданина. Однако и до всего этого мысль о том, что весь мир — театр, не только манила радужными возможностями раскованной творческой игры, но и пугала перспективой подчинения каждого жесткому амплуа, строгому ранжиру, вроде петровской табели о рангах.

Поскольку стремление к власти или богатству, званию или месту дегуманизирует людей, не честнее ли отказаться от любой роли в игре, являющейся беспощадной борьбой, бежать, как Чацкий бежал из вотчины Фамусова, в которой присутствовал весь спектр ролей — от Молчалина до Скалозуба. И разве не была единственным спасением для шиллеровской Марии Стюарт мечта поговорить с Елизаветой не как королева с королевой, соперница с соперницей, а как человек с человеком?

Быть просто человеком!

Но если Эрик, сыгранный Гвоздицким, никакой ролью не обременен и не скован, — почему с самого начала так тоскливо печальна, опасно двусмысленна и уклончива его свобода? Невозможно с уверенностью понять, кто он — мученик или мучитель, мечтатель или безумец? Он тих и криклив, черств и отзывчив, свиреп и смирен. Он страшно раним и жестоко ранит других.

Эрик не властен не только над королевством — над собой, предаваясь мгновенным порывам — порой добрым, порой злым. Герой Гвоздицкого непредсказуем, изломан пластически и душевно, он постоянно находится в ртутном состоянии, меняется, как хамелеон. От него можно ждать всего, чего угодно; он способен на все, кроме одного — сохранить не то, чтобы форму, что пристала монарху, а форму, что пристала человеку.

И все упорнее напрашивается мысль: не является ли роль в обществе абсолютно необходимой для того, чтобы двунгое млекопитаю-

щее оформилось в человека? Известно ведь, что так называемые «волчьи дети», вскормленные сызмальства животными и найденные в определенном возрасте, в людей уже не превращаются. И следует нехитрая дедукция: человек не может без общества, а общество не может без распределения ролей. Крылов предупреждал, что будет, если пироги начнет печь сапожник. Конечно, худо, когда кухарка управляет государством, но не лучше и тогда, когда она остается кухаркой, но то, что она готовит, есть невозможно.

Так, может быть, причина многих бед не в том, что люди должны играть те или иные роли, а в том, что они их плохо играют? Если у кого-то роль не по нем — она проклятие; своя же роль — это единственный способ самоопределения. Станиславский не зря с такой настойчивостью утверждал: роль дается не для того, чтобы притворяться, а для того, чтобы быть!

Роль, следовательно, не только то, каким человек перед другими предстает, но и то, что он по существу для других представляет. Как говорили древние: «Если я не для себя — то кто для меня, если я только для себя — то зачем я?»

Эрик Гвоздицкого, скверно справляющийся с ролью короля, несчастен, и он же — несчастие для других, он и жалок, и опасен.

Когда-то на заре советской эпохи Эрик Михаила Чехова метался среди подобных марионеткам придворных, рождая полное безумной тревоги предчувствие дьявольской драмы, в которой каждому суждена страшная роль. В сегодняшнем спектакле присутствующей на подмостках марионетке уподобляется сам Эрик, разминувшийся с ролью, — не потому ли, что мы начинаем сознавать: року событий можно противостоять, если каждый будет хорошо исполнять свою роль, нужную другим и себе.

Видас СИЛЮНАС.